

И.П. Медведев

КОНСТАНТИНОПОЛЬ В СРАВНЕНИИ С РИМОМ: ВЗГЛЯД МАНУИЛА ХРИСОЛОРЫ

Автор текста письма, русский перевод которого впервые предлагается читателю, – Мануил Хрисолора (1350–1415), один из наиболее ярких представителей поздневизантийской гуманистической интеллигенции; близкий друг императора Мануила II Палеолога (1391–1425), объездивший с ним всю Европу в попытках заручиться помощью против наседавших на Константинополь турок; византийский посол в Италии, все больше и больше укоренявшийся на итальянской почве и фактически превратившийся в “невозвращенца”; униат, в конце концов перешедший в католичество; знаменитый педагог и учитель греческого языка и литературы в университетах Италии (1397–1400 – на специально для него основанной кафедре во Флоренции; 1400–1403 – в Павии и Милане); и т.д.¹

В 1411 г. Мануил Хрисолора прибывает в Рим, сопровождая сюда папу Иоанна XXIII в составе его свиты. Впечатление, которое оказал на него Рим, было ошеломляющим. Во время своих “археологических прогулок” по городу он, “влюбленными и жадными глазами” взирая на все эти следы античности, силою своего воображения пытается представить жизнь, кипевшую некогда на этих “маршрутах триумфальных шествий”, но все это – в сопоставлении с древностями Константинополя, а потом садится за стол и излагает все это в своем пространном письме к императору Мануилу II Палеологу (а не к его сыну, будущему императору Иоанну VIII Палеологу, как считалось раньше), обнаруживая при этом, по словам Ж. Дагрона, “перо греческого ритора, византийского эрудита и верноподданного по отношению к императору, а взгляды – гуманиста времен Возрождения, то есть двуликого Януса, который одновременно является еще действующим лицом (acteur) и уже наследником цивилизации, которую он олицетворяет собою”².

Письмо Мануила Хрисолоры, представляющее собою, на мой взгляд, своеобразный и талантливо написанный³ искусствоведческо-археологический обзор поданных в сравнительном сопоставлении древностей Рима и Константинополя (двух столиц одной, по мысли автора, империи), отражает “стандарты мышления” гуманистических кругов византийской интеллиген-

¹ О Мануиле Хрисолоре см.: PLP. № 339. Новейшая литература указана: Roma parte del cielo. “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma” di Manuele Crisolora / Introd. E.V. Maltese, trad. e note di G. Cortassa. Torino, 2000. P. 47–55.

² См.: *Dagron G. Manuel Chrysoloras: Constantinople ou Rome // Byz. Forsch.*, 1987. Bd. 12. S. 281.

³ Разумеется, не без некоторых “банальностей”, присущих самому этому жанру. См., например: *Fenster E. Laudes Constantinopolitanae. München*, 1968.

ции, пытавшихся в экстремальных условиях существования преодолеть политическую изоляцию Византии, обосновывая изначально близость греков и римлян, и уникальную роль Константинополя как скрепы их единства, что явствовало уже из самого географического положения города, осознанно избранного ими уже при его основании.

Письмо Мануила Хрисолоры к императору Мануилу II Палеологу сохранилось в значительном количестве списков (более десяти), но главное – в автографе Хрисолоры, представленном флорентийской рукописью Cod. Laurent., Plut. 6. 20. На него и опираются все новейшие исследователи текста и его издатели⁴, а через них и переводчики⁵. К сожалению, наш перевод осуществлен еще по старому, более доступному для нас изданию (текст его, впрочем, практически идентичен новейшему)⁶, но не без “заглядывания” в указанный нами итальянский перевод памятника (из практических соображений мы придерживаемся предложенной в этом издании разбивки текста на параграфы, хотя и не всегда согласны с ней) и с использованием (хотя бы частичным) комментария к нему. Возможно, что нам еще придется обратиться к данному памятнику, чтобы предложить более обоснованную собственную интерпретацию.

Мануила Хрисолоры “Сравнение древнего и нового Рима”

1. Благороднейший василевс!⁸ То, о чем твоей Царственности следовало бы сообщить уже много раз, я написал в другом письме, и надеюсь, что оно дошло вместе с настоящим. Более того, я и раньше много писал (тебе) отсюда [т.е. из Рима], а немало – как раз перед этим. Тем не менее мне показалось уместным добавить еще и это – ради удовольствия, а не пользы, каковое я немало испытал уже от того, что адресую твоей Божественности мои словеса. Материал же для сих словес я позаимствую из того самого города, которым раньше я восхищался на основании того, что о нем рассказывалось [другими]; теперь же, увидев его своими глазами, я считаю, что он еще больше достоин восхищения, чем если бы кто-то стал судить о нем просто по рассказам [других].

2. О нем ведь сказаны поистине великие слова, причем не только писавшими на родном [т.е. латинском] языке, но и уже почти всеми нашими из тех ученейших мужей, которые в нем побывали, с тем, чтобы оставить, как тебе известно, не только целые речи, но и книги с энкомиями ему⁹. А другие вот сказали о нем столь же великое в кратких словах, как, например, в случае с тем, столь тебе милом и родном, софистом¹⁰, который в письме к ко-

⁴ Критическое издание: *Billò C. Manuele Crisolora: “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma”*. Testo, traduzione, commento Tesi di laurea, Università degli studi di Torino, 1995–1996.

⁵ См., например, уже указанный нами в примеч. 1, снабженный обширным комментарием, исследованием и богатым иллюстративным аппаратом новейший итальянский перевод текста письма: *Roma parte del cielo...*

⁶ PG. T. 156. Col. 24–53.

⁷ Заглавие писано более поздним (конец XV в.?) почерком на рукописи автографа Мануила Хрисолоры (Cod. Laurent., Plut. 6. 20).

⁸ По мнению издателей итальянского перевода текста, письмо адресовано византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425), а не его сыну и будущему императору Иоанну VIII (1425–1448), как считалось до сих пор.

⁹ Скорее всего, имеется в виду Элий Аристид с его “Энкомием Риму” (ок. 154 г.).

¹⁰ Имеется в виду знаменитый ритор Либаний (314–393).

му-то говорит о нем нечто великое совсем в немногих словах, а именно: в самом начале письма и, если я хорошо помню, в следующих выражениях: “Так не забывай нас, отправившись в Рим, осматривая все то, что раньше не видел, и убедившись, что это даже и не земля вовсе, а некая часть неба. То, что мы не забываем тебя, неудивительно, ибо у нас все одно и то же и нет ничего нового, что заставило бы нас пренебречь друзьями”¹¹.

3. Хотя он писал это как будто греку, а может быть, сирийцу, т.е. своему соотечественнику, я не помню хорошо имени его¹², а ведь мы слышим о красоте Антиохии от многих других, и от него самого, когда он в одноименной с ней речи воздает письменно хвалу родине¹³. Да и другой ее житель (ныне уже, конечно, небожитель) [имеется в виду Иоанн Златоуст], уста и язык которого неслучайно получили прозвище от золота¹⁴, во многих местах очень пространно говорит о ней¹⁵; или же [Либаний писал] к кому-то из тогдашних жителей Азии, на территории которой тогда были Родос и Смирна, краса и гордость всего мира. Там же появились храм Артемиды в Эфесе, колосс на Родосе и гробница Мавсола в Галикарнасе, остатки которых (всех или по крайней мере некоторых) еще видны до сих пор. Если же угодно, давайте предположим, что он [т.е. адресат письма Либания] был из Египта или Ливии, где, как известно, зародился город Александра, а из воспеваемых достопримечательностей – стовратные Фивы и пирамиды, тени которых, как говорят, – это, так сказать, путь протяженностью в несколько дней, когда солнце восходит и заходит. Говорят, что одна из них, и к тому же самая маленькая, используется в качестве каменоломни для всякого рода строительства в самом Мемфисе и во всех окрестных местечках с тех самых времен и вплоть до сегодняшнего дня, и никак не иссякнет. Более того, как говорят, строители, создавшие из нее целые города и деревни, едва лишь потратили какую-то незначительную часть ее.

4. Естественно, что тот [т.е. адресат письма Либания] кем бы он ни был, должен был, плывя в Рим, проехать через острова и через Элладу, причем первой он должен был, естественно, увидеть именно Элладу и тогдашнее око Эллады, – я имею в виду Афины. Или же он сам должен был быть выходцем из Эллады, причем не одним из тех многих, которые никогда не видели и не слышали о подобного рода вещах, а из образованных, т.е. одним из тех, к кому было естественно писать письма и который мог наслаждаться такого рода зрелищами и такого рода путешествиями. Но тогда что же было то, что должно было его потрясти до такой степени, что он забыл об Элладе и находящихся в ней достопримечательностях, обозревая какие-то ранее невиданные вещи, пренебрегши ею [т.е. Элладой] и оставшимися в ней его друзьями, и придя к убеждению, что этот город [т.е. Рим] есть даже не земля, а некая часть неба?

5. О нем ведь, как я уже сказал, и на том и на другом языке произнесены великие слова. Да и у самих варваров, как я полагаю, – по крайней мере у тех

¹¹ Точная цитата из письма Либания к Иовиану, см.: *Libanii Opera / Rec. R. Foerster. Vol. 10. Lipsiae, 1921. P. 425 (Ep. 435).*

¹² Речь идет о примикирии нотариев по имени Иоанн.

¹³ Ср.: *Libanii Opera. Lipsiae, 1903. Vol. 1. Fasc. II. P. 437–535 (Oratio XI: Λόγος Ἀντιοχικός).*

¹⁴ Иоанн Златоуст (347–407), уроженец Антиохии, патриарх Константинопольский (398–404).

¹⁵ Скорее всего, речь идет о *De statu homilia*, адресованной Иоанном Златоустом жителям Антиохии в 387 г.

из них, которые не совсем лишены грамоты, – есть немало о нем в их сочинениях. Но я думал, что все это говорится ими с преувеличением. Сейчас же вижу, что никакого преувеличения в сказанном нет: таково видимое.

6. Пусть даже почти ничего не сохранилось в нем в целости и вряд ли найдешь в нем что-то, совсем не претерпевшее ущерба: одни вещи разрушились сами собой от времени, другие пострадали от рук людей. Ибо в нем случилось то же, что и в нашем городе [т.е. в Константинополе]: он стал сам для себя и рудником и каменоломней, и, как об этом всем нами уже сказано, сам собой кормился и потреблялся. Он, так сказать, пришел в упадок во всем. И тем не менее в самих этих руинах и развалинах видно, каким он был изначально, каким величием и красотой своих построек он отличался. В самом деле, какое из его творений не было прекрасным? Прекрасными были не только строения, соединенные между собою [в некие ансамбли], но казались прекрасными и разрозненные, подобно тому, как во всем прекрасном теле прекрасны рука, нога или голова: каждый из членов великого тела тоже велик. Немало из них (и в значительной части) сохранилось.

7. Многие из тех [памятников], которые когда-то родились в Элладе, как это явствует из надписей на них, обнаруживаются теперь в нем [т.е. в Риме], а именно: колонны, замечательные камни, стелы, изваяния, статуи, множество греческих надписей прекраснейшего и древнейшего образца. Многие же в нем самом [т.е. в Риме] созданы эллинами, как можно видеть из надписей. Да и сами его жители, как мы знаем из историй, весьма увлекались всем эллинским, а многие из наших эллинов даже и жили в нем.

8. По всем этим остаткам статуй, колонн, надгробий и построек можно судить не только о богатстве, обилии рабочих рук, искусстве, если угодно, о величии и достоинстве, а также об образе мыслей, любви к прекрасному, изяществе и роскоши города, но также и о его религиозных воззрениях, великодушии, честолюбии, убеждениях, победах, о всяческом процветании, гегемонии, славе, военном опыте.

9. В нем ведь [т.е. в Риме] можно видеть не только акведуки, идущие по воздуху издалека, толщину стен, многочисленность, величие и красоту портиков, императорских дворцов, зданий сената, а также форумов, терм и театров, но и множество превосходных и прилегающих друг к другу храмов, названных каждый по своему, святилищ, изваяний [богов] и статуй, храмовых участков, мемориальных стел тем древним и знаменитым мужам, которым общество воздвигло их, если кто-то из них сделал для города нечто полезное; и далее: памятники за доблесть, триумфальные арки, воздвигнутые в память об их триумфальных победах, когда на них выгравированы сами битвы, пленники, военная добыча, штурм стен.

10. А еще на них [можно видеть] резные изображения жертвенных животных и церемоний жертвоприношения, алтарей и жертвенных даров, а кроме того – бои морские, пешие и конные, – так сказать, любой вид битвы, осадных машин и орудий, а также поработанных вождей, будь то мидийцы, персы, иберы, кельты или ассирийцы, причем каждого в своем снаряжении: поработанных народов и торжествующих над ними полководцев; далее – колесницу, квадриги, возниц, преторианцев, следующих за ними центурионов и предшествующую им военную добычу – и все это на изображениях предстает как живое, а из надписей на них можно узнать, что представляло каждое из них; так что можно ясно видеть, каким оружием и каким снаря-

жением пользовались в старину, какими были отличительные знаки представителей власти, боевые порядки, сражения, осады, устройства военных лагерей; какими убранствами или одежаниями пользовались на войне и дома, в народных собраниях, в сенате или на форуме, во время путешествий по суше и по морю, в процессе трудовой деятельности или занятий упражнениями, на зрелищах, на празднествах или в мастерских – и все это с учетом разных обычаев у разных народов. Занявшись изучением этого, Геродот и некоторые другие историки, как кажется, оказали всем большую услугу. Но у них все выглядит так, как если бы они существовали в те времена и бывали у разных народов, так что [их] история все объясняет очень упрощенно; скорее это даже не история, а, так сказать, видение собственными глазами всех тех явлений, которые повсюду тогда происходили как бы в присутствии [авторов].

11. Искусство подражаний действительно начинает соревноваться с природой вещей – [до такой степени], что начинает казаться, что ты видишь самого человека, коня, город, целое войско, щит, меч, полное вооружение [воинов], попавших в плен, обратившихся в бегство, людей хохочущих, взволнованных или негодующих. И на всем этом надписи крупными буквами, говорящие: “Сенат и Римский народ Юлию Цезарю, Титу или Веспасиану, за доблесть и мужество, за победы над грозным противником, за защиту Отечества, за изгнание варваров”¹⁶ или за что-то иное такого же рода из достойных похвалы деяний.

12. А что говорится о таких древних персонажах как Мелеагр, Амфион, Триподем, а также, если угодно, Пелоп, Амфиарай, Тантал и любой другой такого же рода из той мифической и древней эллинской истории? Ими переполнены улицы, переполнены памятники и гробницы древних, полны стены домов. Все это исполнено превосходного и совершенного искусства, являясь произведением какого-нибудь Фидия, Лисиппа, Праксителя и тому подобных, так что идущему по городу приходится притягиваться взором то к одному, то к другому – наподобие того, как это случается с влюбленными, которые, восхитившись какими-нибудь живыми красотками, не могут оторвать от них жадного взгляда¹⁷.

13. А тут еще окружность стен¹⁸, положение города, течение реки, прелесть полей и загородных поместий в них. Город еще не был лишен ни гаваней¹⁹, ни корабельных верфей или эллингов, из которых одни размещались внутри стен, другие – в самом устье реки, третьи – непосредственно перед стенами; остатки их видны еще и ныне. Их снос, как я полагаю, составит предмет забот для всех нынешних влиятельных лиц, если следует назвать трудным то, что кто-то, пожалуй, назовет невозможным.

14. Ради удовольствия и развлечения граждан, а также ради их упражнений, проводились как бы морские сражения внутри стен, т.е. в самом горо-

¹⁶ По мнению Дагрона, Мануил Хрисолора здесь очень вольно воспроизводит на греческом надпись на арке Тита: *Senatus Populusq. Romanus Tito Caesari Divi Vespasiani f. Vespasiano Augusto... quod... gentum Iudeorum domuit*. См.: *Dagron G. Manuel Chrysoloras... S. 287. Anm. 22.*

¹⁷ Эту тему Мануил Хрисолора развивает и в начале своего письма из Рима к Димитрию Хрисолоре.

¹⁸ По-видимому, стена, возведенная в 272 г. императором Аврелианом.

¹⁹ При императоре Клавдии началось строительство крупного Остийского порта и второго порта в устье Тибра, расширенного при Траяне.

де, и (я утверждаю это) не на реке, но на своего рода море или озере внутри города, специально для этого подготовленном²⁰. А были (как бы опять же для упражнений) и зрелища с состязаниями, гладиаторскими боями, схватками с дикими зверями, конными скачками, а также и сражениями триер. Так что действительно можно сказать, как выразился некий из наших древних: здесь нет ничего иного, кроме Рима²¹.

15. Таковым было то, что шло от древности. А что сказать о более поздних вещах и о тех, что появились при нашей истинной вере? Каковы они, построенные при таком изобилии такого рода камней и других материалов, при тогдашнем расцвете искусства, а также в условиях подъема боголюбия и благочестия? Одни из древних памятников были перестроены, другие – из безбожных и неосвященных стали освященными и святыми, из языческих капищ – священными храмами. Сколько их, апостольских храмов? Сколько их, посвященных мученикам, святым и блаженным? Сколько их, посвященных святым женам и девам? А их тела и мощи (целиком или по частям); все то, что относится к их поминовению, а также вещи, служащие доказательством человечности нашего общего Господа, – кто сможет их перечислить? Пожалуй, можно сказать, что сей город – это просто погребальная урна святых мощей, сокровищница водосвятий. Так что то, о чем когда-то сказал упомянутый мною вначале автор, т.е. что город может быть назван “частью неба”²², с большим правом относится к тем временам и благодаря тем его обитателям.

16. Все это я оставляю без внимания. Но теми двумя светилами, солнцами, да даже целыми небесами, повествующими о славе Божьей (я имею в виду Петра и Павла, мощи которых покоятся тут и в память о которых я пишу все это), кто восхитится ими достойным образом? И почему весь мир обращается к ним за помощью, как будто они какие-то общие правители, владыки или консулы?

17. А ведь действительно чудо – видеть, как сюда приезжают из Испании, Иберии, Галлии, с Британских островов, из еще более западных и северных стран, если есть таковые, а также из Германии, Сарматии [т.е. России], Паннонии [т.е. Венгрии], некоторые же из Эллады, Азии и из других мест (ибо кто, пожалуй, сможет всех перечислить), причем не только мужчины любого возраста и занятия, но и женщины, преодолев столько дорог, опасностей, тягот, столько холодов, грязи, пыли, удушливого зноя и мучений, – и с тем только, чтобы благоговейно поклониться погребальной урне, гробу и могиле апостолов, и то издали, из-за оград и решеток; чтобы громким голосом воззвать к тем спасителям, господам и, как я уже сказал, солнцам всей вселенной, возложив свое чело и голову на пыльную почву, на каменные и железные ограждения; чтобы, наконец, после стольких лет провозглашения им истины, они выразили свою признательность за освобождение от заблуждений и потемок.

18. И все это в том городе и в той империи, в которой те [т.е. апостолы], проповедуя эти идеи, умерли. Здесь, ведь, царило такое суеверие по отноше-

²⁰ Действительно, специально для “морских сражений” (еще один вид развлечения жителей) было построено несколько бассейнов (с этой же целью наполнялись водой Колизей или амфитеатр Флавия).

²¹ Снова цитата из “Энкомия Риму” Элия Аристима (ог. 26. 8. Keil).

²² См. примеч. 5.

нию к истине, такое заблуждение; это явствует из их идолов, изваяний, храмов. Отсюда по всей вселенной разносились эдикты, направленные против христиан, и рассылались палачи. Здесь видны еще рухнувшие уже и разрушенные покои Нерона, того бесчестного убийцы. Здесь – Диоклетиана и Максимиана гонителей, их изуродованные и полуразбитые стелы.

19. Но мимо них [именно потому], что они принадлежали императорам, которые их [паломников] некогда покорили и поработили, те пробегают [без остановки]; да что я говорю – пробегают? Скорее награждают пинками, бьют кулаками, разбивают, как я уже говорил, оплевывают и опрокидывают. Ну, а перед теми [т.е. апостолами Петром и Павлом], бедняками и чужеземцами, более того, рабами и подданными тех по своему гражданству и роду, палаточными мастерами и рыбаками, они [т.е. паломники] склоняют головы даже с какой-то, так сказать, радостью и наслаждением, а если угодно, с биением себя в грудь, благоговением, в слезах, и, взывая к ним, как я говорил, как к спасителям, покровителям и не только господинам настоящих земных дел, но и привратникам небес, вымаливая у них спасение себе, друзьям, родным, да и всему миру. А те [т.е. апостолы] восседают, созерцая со своего возвышенного места, величественные, роскошно изваянные в своем древнем обличии, с помощью мозаичных плиток, камней, красок, а также чистого серебра или золота, как какие-то короли, правители или общие для всех господины, с ключами в качестве символа власти связывать и развязывать²³, символа мощи и достоинства Того, кто дал их.

20. Деяния римского народа, Юлия Цезаря, Августа или кого-то другого канули в Лету и неизвестны большинству людей во всем мире, даже здесь, на их родине; деяния же апостолов цветут пышным цветом во всем мире. Помню, как два года назад в Лондоне, в Британии, я и мои спутники оказались свидетелями торжественного шествия и грандиозного праздника²⁴, которое тамошние жители устроили в честь их [т.е. апостолов] непосредственно на [островах?] самого внешнего моря и океана. Цезаря же, который первым покориł их и крепости которого еще и ныне существуют там (одна – у причала, другая – в самом городе)²⁵, они не знают. И я почему-то думаю, что все это – и Римская держава, и монархическая власть императоров, и покорение народов – существовало постольку, поскольку за этим должны были последовать те события [т.е. связанные с апостолами].

21. Так зачем же нужно с благоговением усматривать достоинство апостолов, воздаваемые им уважение и честь, в них самих, в их мощах и могилах? Ведь можно с благоговением смотреть на это, имея в виду и авторитет Церкви, и тех из многих, которые после них [т.е. апостолов] и сами по себе [что-то сделали]. Ибо я никоим образом не думаю, что в той Римской державе (я имею в виду древнюю) столько указов и тех императоров, и народа, и сената распространялось по стольким областям вселенной, сколько и в скольких районах [их распространяется] ныне Церковью. А то, что их [эдикты] санкционирует и делает действительными благодаря скреплению печатя-

²³ Мф. 16: 18–19.

²⁴ Мануил Хрисолора посетил Англию в 1409 г., во время своих дипломатических разъездов по Европе с целью организовать помощь Византии, находившейся под угрозой захвата турками.

²⁵ По мнению Гвидо Кортассы, Хрисолора ошибочно приписывает Цезарю укрепления, воздвигнутые в Лондоне и Довере Траянem.

ми, – это изображения и головы Петра и Павла, которые, таким образом, уже не могут больше говорить: “Серебра и золота нет у меня”²⁶.

22. Кто бы мог перечислить оказанные ими благодеяния? Кому-нибудь может показаться, что я преувеличиваю, но я действительно полагаю, что все известные нам державы [?], даже соединившись вместе и располагая по закону властью распределять то, что им даровано по обычаю, не могут дать столько. Дают это Петр и Павел. И им положено давать это: ведь раздающие такого рода благодеяния располагают ими не для себя. Так что последователям и наследникам Петра и Павла тоже положено распределять [благодеяния]: те, что получают, получают как бы от господ, а те, что дают, дают как господины. И нет никого, кто бы возразил на это; разве что некоторые могут расходиться во мнениях: что давать, стоит ли давать и кому давать. И как раз это самое они должны решать, так как они сами являются судьями и определителями того, что случается у них, а часто к ним переходит и право апелляции того, что случается у других.

23. Ну, а что с духовными дарами, что с судьями колен [Израилевых]?²⁷ Можно ведь видеть, как, при разнообразии языков в храме апостолов, сидящий здесь на троне [священник] выслушивает исповедующихся, прибывших с этой именно целью аж с Британских островов; здесь же еще один, [который выслушивает] прибывших из Иберии [=Испании] и Галатии [=Галлии, т.е. Франции]; в другом месте – то же с прибывшими из Далмации и Дакии [=Румынии], а эти, перемешавшись на улицах, в городе, или в какой-нибудь церкви, разговаривают каждый на своем языке.

24. Так что не когда-то на двенадцати только престолах будут восседать, согласно обещанию [Иисуса Христа], апостолы, судящие двенадцать колен Израилевых [Мф. 19: 28], но уже и сейчас они восседают на многих престолах в качестве неких судей, судящих всю вселенную, причем они совершенно понятно разговаривают с каждым на его собственном языке²⁸, и не только во времена древней Церкви, но и сейчас. Да и во внешнем мире, как я сказал, повсюду распространяются указы и постановления апостолов²⁹. И сюда отовсюду прибывают [паломники] после многодневного и даже многомесячного пути (и это при том, что их никто не гонит) с тем, чтобы обвинить самих себя, как советует Платон в “Горгии” желающим и намеревающимся стать праведными³⁰, а также с тем, чтобы принять их [апостолов] приговор и расплатиться за свои грехи. Я, правда, не имею в виду тех, которые приезжают издалека, с самых окраин ойкумены, будучи вынужденными поступать так в силу приказа.

25. Кто же не придет в изумление, слушая, как папа [Римский] в публичном консистории вершит дела и высказывает различного рода предсказания? Кто не поразится, видя все это? Но что еще нужно сказать по этому поводу?

26. То, что я говорил в отношении находящихся в этом городе мощей апостолов, можно увидеть, прочтя толкование [Иоанна] Златоуста к заключительной части письма Павла, если не ошибаюсь, к тем же самым римля-

²⁶ Деяния св. Апостолов. 3: 6.

²⁷ Ср.: Мф. 19:28.

²⁸ Речь идет, конечно же, о чуде Пятидесятницы, см.: Деяния св. Апостолов. 2: 4.

²⁹ По-видимому, через посредство понтификов, т.е. их наследников.

³⁰ Платон. Горгий (480 с.).

нам, – толкование, в котором сей муж, поистине золотой не только в своих устах, но и в глубине своей души, заключает всю речь в целом, и это золотое сочинение, восхищаясь которым, он дважды, трижды и даже чаще утверждает: “Я хотел увидеть этот город, – имеется в виду Рим, – в котором то-то и то-то”, и говорит об апостолах, об их могиле, о присутствии их мощей в ней. “Я хотел видеть их ноги, я хотел видеть их руки, я хотел видеть их головы”³¹. И он не может остановиться, словно одержимый любовной страстью, излагая материал по частям и без конца повторяя одно и то же.

27. Но хватит уже об этом. В письме ведь всего не скажешь, да если что-то и можно было бы сказать, не будет, пожалуй, ничего сказано о них по достоинству. Я, впрочем, начал с намерением говорить кратко, но, забывшись, сильно переборщил, выйдя за всякие рамки. Я хотел написать это скорее к своему удовольствию, попытавшись сделать этот опус своего рода прибавлением к ранее мною написанному, прежде всего потому, что в твоих, адресованных мне письмах нашел, помимо всего прочего, упрек в том, что пишу мало.

28. Спешу отдать письмо, чтобы триремы Венеции не отплыли [в Константинополь] раньше, чем оно (письмо) прибудет в этот город [т.е. в Венецию]. И действительно, в любом деле самым трудным является, как следует начать и надлежащим образом заключить. И все вообще определяется крайностями, принимая от этого форму. А многие как будто не знают, ни откуда следует начать, ни где следует поставить точку. Однажды начав говорить, они поневоле продолжают говорить всегда. Я же так долго хранил по отношению к Твоему Высочеству молчание, что едва начав, уже не могу быстро остановиться. Так что как раньше ты [с пониманием относился] к моему молчанию, которое иногда устанавливалось во время словоговорения, так и сейчас прости мне мое многословие.

29. Впрочем, и говорящему тебе о такого рода вещах следует, наконец, остановиться. И тем не менее я не хочу этим обидеть наш город [т.е. Константинополь]. А ведь я бы обидел его, если бы остановился на этом. Ибо я, обозревая то, что, как я говорил, есть в строениях, в природных и рукотворных красотах, восхищаясь городом былого величия и мощи и особенно радуюсь, видя, насколько они похожи на наши. Да и одна эта схожесть каких-то вещей, как ты знаешь, обычно привлекает, когда мы видим, насколько они похожи, подобно тому, как сын похож на отца, дочь на мать, братья друг на друга, а тем более, если случится, что они каким-то образом с нами в родстве. Я считаю, что нахожусь в нашем городе, и не в последнюю очередь потому, что это может привлечь человека, особенно любящего свою родину и находящегося далеко от дома. Ибо я думаю, что никогда еще ни одна дочь не рождалась столь похожей на мать, как наш город [=Константинополь] на этот [=Рим]³². Но пусть даже все обстоит таким именно образом (ибо какая мать будет завидовать дочери, которую хвалят, и наоборот, разве справедливо, если дочь будет завидовать матери, которую прославляют), я все же считаю, что наш город [т.е. Константинополь] одерживает верх.

30. Сравню оба древних города, насколько возможно. Ибо что в этом городе [т.е. в Риме] сотворено природой или рукой человека, чего нет у нас?

³¹ PG. T. 60. Col. 680.

³² Напомним, на всякий случай, что Рим и Константинополь в греческом и итальянском – женского рода, так что связка “мать – дочь” в устах грека вполне естественна.

Да даже сами реликвии [здесь] схожи с [нашими] реликвиями. Ибо если и кажется, что он [=Рим] в чем-то превосходит, то и у нас есть что-то другое для противопоставления. И у нас было и есть немало такого, чего нет у него, а многое даже и гораздо лучшего качества. Это естественно, ибо он [Рим], не оглядываясь на какой-то, так сказать, совершенно особый образец, довольствовался тем, чтобы просто превзойти всех. Наш же [Константинополь], рассматривая его [Рим] в качестве образца, а если попристальнее на него посмотреть, то и некоего архетипа, многое усовершенствовал и возвеличил.

31. Ведь произведения одних людей, находясь в соперничестве с другими, могут лишь выиграть, становясь более прекрасными, да и красота родителей еще больше содействует улучшению красоты детей, а статность (особенно матерей) – их статности, причем [это свойство встречается] не только у людей, но и у других живых существ. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что, будучи крупным и красивым [городом], он [Рим] произвел на свет еще более крупный и еще более красивый [город]; и это, в свою очередь, повод для похвалы матери: ведь красоты матери прибавляются затем к красотам дочери, причем сравнивать следует не одну через другую, а каждую некоторым образом через саму себя, то есть Новый Рим – через Древний.

32. Так что в такого рода конкурсах не должно быть плохих арбитров, особенно из числа нас, являющихся наследниками благ и того и другого, в одном случае оказываясь сыновьями, а в другом – внуками. Нужно скорее гордиться обоими [городами], как те, что имеют обязанность сообщать их благородство многим, имея также возможность перечислить не только больших красивых родителей, но и такого же рода или близких к этому прародителей. Родителям же в высшей степени желательно, как говорил некто³³, чтобы они уступали во всем детям; так что справедливо, если мы даем основание подозревать нас в такого рода вещах.

33. Так вот, я утверждаю, что мать была весьма красивой и цветущей, дочь же – еще прекраснее во многих отношениях; что ни этому [Риму] не подобало быть митрополией и матерью другого, ни тому [Константинополю] – колонией и дочерью другого; что, как было сказано, никогда еще ни у одной матери и ни у одной дочери не наблюдалось такого сходства, как у этих. Да и красота этого города [т.е. Рима], подобно вспышке какого-то огня или луча, у того [т.е. Константинополя] получила свое развитие.

34. Ведь даже если бы мы не могли сказать ничего иного, то достаточно уже положения [Константинополя] на обоих континентах (я имею в виду Европу и Азию) и соприкосновения здесь северного и южного морей³⁴, так что он [Константинополь], как бы стоя на вратах, соединяет вселенную и живущие в ней народы (здесь – через континенты, там – через моря, а скорее – через то и другое) наподобие некоей общей скрепы и в то же время отгораживает их друг от друга. По-моему, это не только полезно и прекрасно, но и выглядит по царски.

35. А что за гавань³⁵, побеждающая, на мой взгляд, всех, откуда бы они ни были, своей величиной и безопасностью и могущая принять все когда-либо и где-либо построенные триремы и олкады [= грузовые суда]; да и то, что

³³ Еще одна достаточно вольная цитата из Либания: *Libanii Opera*. Vol. 10. Ep. 369. 1–2.

³⁴ Т.е. соответственно Черного моря (=Понта Эвксинского) и Мраморного моря.

³⁵ *Portus Prosporianus* в восточной оконечности бухты Золотой Рог.

он [Константинополь] полностью, со всех сторон окружен и морем, и сушей, так что он во всех отношениях и материк, и остров, в равной мере приближенный и к суше, и к морю.

36. И я не знаю, уступает ли действительно в чем-то могущественным вавилонянам³⁶ венок-кольцо из стен, да и густота, размеры и высота башен на стенах (даже если бы каждая из них была единственной), как никакая другая сохранившаяся в целости постройка, в состоянии сами по себе вызвать восхищение у зрителей. Достойны восхищения величина, объемы и искусное сооружение лестниц, ведущих на стены, а также врата в стенах и великолепие окаймляющих их башен; наружный крепостной вал перед стеной, достаточный только для надежной защиты в другом каком-нибудь городе; прорытие здесь же и обустройство рвов, их ширина и глубина, а также обилие воды в них. Так что даже в той части [города], где [моря] не доставало, благодаря им [=водам] казалось, что город морской, и напротив, в той части, в которой казалось бы царит море, благодаря островам он континентален. И так же, как когда-то было сказано об Афинах³⁷, что их можно проплыть, обогнуть по морю, или пройти пешком, так и его [Константинополь] можно пересечь пополам пешком или проплыть через него по морю. Так кому можно отдать пальму первенства? Или скорее кому можно уступить право приблизиться к нему или сравняться с ним?

37. Да и то, что находилось внутри города, было действительно достойно стен и того образца, в соответствии с которым, как я уже сказал, и возник вначале; достойно, наконец, митрополии, матери, доблести, мощи его основателей.

38. Его [Константинополь] создали, объединившись, два могущественнейших и разумнейших народа (один из них царствовал в то время, второй – несколько раньше первого), выделявшихся всякого рода искусством, чувством собственного достоинства и утонченностью, а именно – Римляне и Эллина, воспользовавшиеся с этой целью услугами других народов и их ресурсами. Сперва они выбрали место для основания города, причем место, достойное того будущего города, который они задумали, и их державы, с тем, чтобы, обосновавшись в нем, они могли удобнее управлять всем миром. Они, стало быть, выбрали его не только для управления всем миром, но и, так сказать, исходя из интересов всей вселенной, как ее властители, и отдавая отчет в том, что не Риму и многим другим [городам] было предопределено судьбой стать знаменитыми.

39. Но, как уже бывало в силу тех или иных причин и превратностей, и другие [города], возникшие где-то в другом месте и в дальнейшем возвысившиеся, считая несправедливым то, что они приходили в упадок, старались улучшить среду своего обитания. Насколько было возможно, они старались утешиться искусством, ценили те достоинства, которые исходили от местности и пространственного положения. Некоторые, правда, до конца терпели те многие неприятные природные особенности, которые были присущи этому месту, ибо не во всем они хороши, а в большинстве случаев явно уступают, что имеет место быть даже и с теми постройками, которые мало-помалу приобрели внушительные размеры.

³⁶ Стены Вавилона – одно из семи чудес света.

³⁷ Еще одна цитата из Элия Аристида: Or. I (Panathinaicos), 10 Lenz.

40. Наш же город [т.е. Константинополь] получил саму эту территорию, как я уже сказал, в результате сознательного выбора со стороны мужей, компетентных в такого рода деле, как и подобало городу, которому предстояло управлять миром с целью предоставления ему всяческих удобств, всего необходимого и достойного. И то, что решение их было правильным, для нас, нынешних, доказывается самим опытом. Для украшения города они затем сосредоточили отовсюду заимствованные ремесла, сразу же начав строить с роскошью, ибо сами были богаты, с грандиозным размахом, ибо сами обладали величием, по царски, ибо сами были царями. Да и как бы могли сии мужи, явившись сюда из такого города [т.е. Рима] и таких дворцов, проживать скудно и жалко? Потомки же всегда подражали своим предкам, что особенно бывает видно по постройкам.

41. Природа сама заранее приготовила им для строительства расположенный перед самыми воротами мраморный остров [т.е. Проконнес в Пропонтиде, ныне Мармара] (как будто зная, какой город и какими людьми должен был там быть построен), предпослала материал и утварь для придания ему красоты и достоинства. Они же не довольствовались ни белым мрамором, ни разноцветными камнями Фессалии, Пароса и Пелопоннеса, а для строительства города стали добывать рытьем камень из Аравии, Египта, Ливии, Мармарики³⁸ и даже из самой выжженной пустыни, с тем, чтобы немедленно соорудить дома, которые по своим размерам были достаточными, чтобы уже быть городами, и возвести храмы, в отношении которых с трудом верилось, что они возникли как плод человеческого мастерства и труда людей; да и благочестивая вера в Бога содействовала этому. Так что такие люди делали все это совершенно правильно. Ведь если бы столько и такого качества было понастроено святотатцами и безбожниками, то сколько же и какого качества потребовалось бы, если бы за дело взялись почитающие истинного Бога? И если бы такого рода постройки были преподнесены и посвящены демонам их слугами, какие благодарственные дары следовало бы преподнести Спасителю за освобождение от них?

42. Но хватит об этом. Я оставляю без внимания крытые и снабженные ограждениями аллеи, некогда проложенные через весь город с тем, чтобы можно было пройти его весь без грязи и солнечных лучей. Оставляю и монолитные колонны, каждая из которых вполне могла бы быть башней или крепостью. Опускаю портики, основания стел, пирамиды. Обхожу молчалием расположенные в разных частях города императорские дворцы³⁹, их многочисленность, величие, красоту, а также театры, претории, палестры, гимнасии, ипподромы, а еще корабельные верфи, насыпи стен и пристаней, рвы, выдвинутые со стороны моря камни фундаментов и стен, эллинги для приема судов из любой части; башни среди моря, в том числе открытого моря, на глубине и в водовороте от прилива и отлива; пресные воды в них, а кроме того, акведуки подземные и подвешенные по стенам (так что их мож-

³⁸ Местность в Южной Африке, между Киренаикой и Египтом.

³⁹ В Константинополе насчитывалось около трех десятков роскошных императорских резиденций, включая Большой дворец в юго-восточной окраине города (первая официальная резиденция императоров Византии) и Влахернский дворец в северо-западной окраине города (именно сюда была перенесена резиденция императоров, начиная с эпохи Комнинов, с конца XI в.).

но назвать воздушными реками)⁴⁰, приходящие откуда-то издалека, притом, что самое большое расстояние, как говорят, требует пути в несколько дней; каналы, прорытые между гор, которые оказывались препятствием; цистерны⁴¹ для приема воды из акведуков, исполняющие для последних роль морей или озер, причем одни из них крытые и скрытые от глаз, другие – под открытым небом и видимые (на них даже могут плавать суда). Некоторые из них теперь внутри под сводами разводят крупные деревья, другие – прямо на крыше, принося их собственникам пользу в качестве полей или садов. Не говорю о множестве в них колонн и апсид, о других опять же подземных и вырытых в земле сооружениях, превращающих город в какой-то верхний этаж, находящийся в висячем положении над полым подвалом; об общественных канализационных стоках нечистот, которых и здесь [в Риме] немало.

43. А что сказать о банях, которых в нем [в Константинополе] описано такое великое множество, что даже поверить трудно?⁴² Об изобилии воды, которая льется из родников в каждый дом и по всему городу? Что сказать о загородных местах [= проастиях], по своим размерам столь протяженным, что потребуется немало дней, чтобы их обойти, а по своей красоте, удобствам и оснащенности разными устройствами соперничающих с любым видом аналогичных сооружений в городе? Ибо проастии у Константинополя простираются непрерывно от Абидоса, Сеста и Геллеспонта до Боспора Фракийского, Иерона и Кианей, будь то из Азии или Европы, вокруг Пропонтиды, окружающих сам город островов, бухты [Золотой] Рог (из внутренней части – до маяка)⁴³. Если бы кто-нибудь захотел перечислить все их храмы и строения, ему пришлось бы написать целую историю, причем отнюдь не краткую. Сами эти загородные места – проастии, а именно те, что занимали территорию в немалой мере вдоль так называемой “Длинной Стены” от нижнего моря до верхнего Понта Эвксинского⁴⁴, образовали город, могущий стать провинцией, ибо по своим размерам он заключал в себе столько, сколько может быть во всех остальных, вместе взятых, вряд ли можно было бы найти.

44. Что же касается самой этой “Длинной Стены”, то она могла бы называться не только “Длинной”, но с полным правом и “Широкой” и “Высокой Стеной”, будучи настолько мощной в результате применения при постройке обычных камней, гравия из рек и из бурных потоков, и просто булыжника, что способна вызывать восхищение. При этом использовались такие или, если угодно, такого возраста камни и такое изощренное строительное искусство, что скорее это возникла гора, чем стена, вызывая с полным правом изумление у зрителей, даже если она и измерялась несколькими оргиями. Так что, если бы она была отвесной, наподобие какой-то веревки или установленной вертикально балки, то тогда ее толщина соответствовала бы

⁴⁰ Ср. подобный же образ Константинополя, включающий и “аэриос потамос”, у Григория Назианзина (ог. 33.6).

⁴¹ Всего около полусотни, по большей части крытых, цистерн, которые могли содержать в себе огромные объемы воды (ок. 900 тыс. куб. м только в крытых). Разумеется, во времена Хрисолоры большая часть их находилась в состоянии деградации.

⁴² А именно: более сорока.

⁴³ Видимо, маяк на Золотом Роге; от него в частности получил свое название соответствующий квартал города – Фанарион.

⁴⁴ “Стена Анастасия”, перестроенная и усиленная при Юстиниане.

ее длине, как это требуется у них с той целью, чтобы они не рвались и не ломались.

45. Впрочем, сама эта городская стена или скорее прочие сооружения в городе, возникшие, как уже сказано, в эпоху столь могущественной тогда империи, возводились скорее из-за склонности к роскоши, чем по необходимости⁴⁵, как и некоторые другие достойные удивления памятники города. Ведь чем меньше тогда требовалось огромных стен, тем больше и по количеству и по размерам их возводилось; считалось, что город, как таковой, возникает и получает название прежде всего от стен, которые воздвигаются не только для нужд настоящего времени, но навсегда. У людей ведь с течением времени многое может случиться: и зависть [народных] масс из числа великих бед, и великие потрясения. Так что [стены] надолго останутся символом не только силы их строителей, но и их заботы о будущем, и их мудрости.

46. Пожалуй, я не окажусь в затруднении, желая напомнить о надгробных памятниках, могилах, стелах или статуях, которые существуют в нашем городе сейчас или были когда-то. Но, может быть, следовало сначала сказать, что хотя там [т.е. в Константинополе] их меньше, чем здесь [т.е. в Риме], зато некоторые из них гораздо более красивы и представительны. Что, например, за гробница того императора, который был основателем и охранителем города?⁴⁶ А гробницы других императоров, находящиеся вокруг нее на императорском кладбище? Просто чудом было даже увидеть их, причем многие из них сохранились, окружая и ныне храм Апостолов⁴⁷; немало других уже утрачено; третьи разрознены по другим местам города в преддвериях церквей. А что за статуя императора-законодателя?⁴⁸ В свою очередь, вокруг нее появились другие статуи, многие из которых, если мне не изменяет память, с востока поддерживаются изумительными колоннами⁴⁹.

47. Ну а то, что в городе [Константинополе] было множество и других такого же рода статуй, явствует с очевидностью из их, еще и ныне видимых, цоколей с надписями на них. Они разбросаны по разным местам, но больше всего – на ипподроме⁵⁰. Немало и других, ныне, насколько мне известно, уже снесенных, я сам видел раньше. Есть люди, которые утверждают, что существовали одна колонна на Ксиролофосе [“Сухом холме”], другая – напротив

⁴⁵ Гвидо Кортасса (см. примеч. 1) не без основания не согласен с подобным утверждением Мануила Хрисолоры, полагая, что мощные укрепления Константинополя были и необходимы и полезны (см. его примеч. 100 на с. 85).

⁴⁶ Внушительный мавзолей, увенчанный куполом и построенный Константином Великим для себя и членов своей фамилии.

⁴⁷ Храм начал строиться уже при Константине и завершен при его сыне Константе. Посвящен святым Андрею, Луке и Тимофею, мощи которых хранились здесь, но не исключено, что и всем апостолам.

⁴⁸ Конная бронзовая статуя Юстиниана Великого на высокой колонне, на площади Августейон.

⁴⁹ Из них известны: колонна Августы Елены, давшей имя всей площади; Константина с тремя его сыновьями; Лициния и Юлиана; императрицы Евдокии, супруги императора Аркадия; императора Льва I.

⁵⁰ Здесь известны: обелиски Феодосия и Константина VII Порфирородного; бронзовая колонна из трех сплетенных змей; бронзовые позолоченные скульптуры четырех коней над воротами, из которых выезжали участники конных скачек (ныне украшают портал Сан Марко в Венеции). В городе были и другие, меньшего размера, ипподромы, прилегавшие, как правило, к дворцам частных лиц.

него к востоку на другом холме под названием Fogum Taugi, цоколи которых представляли собою кованные из серебра скульптуры, в одном случае – Феодосия Бóльшого, в другом – Феодосия Меньшего (ибо так их называют)⁵¹. А сколь величественными, почитаемыми и прекрасными они, должно быть, были, видно по красоте, высоте, великолепию и пышности оснований.

48. Размышляя об этом, я между тем вспомнил врата города, которые некогда появились на той же улице по направлению к западу и через которые могли бы пройти, если бы могли двигаться, целые башни и крепости; через них могли быть приняты грузовые суда с их парусами и мачтами; за ними издалека светился портик со своими величественными мраморами, а также колонна перед ними, которая сама поддерживала статую [по-видимому, Константина]. И еще – так называемая “колонна” на другом холме, что возвышался над тем дворцом [Влахернским?], где ты сейчас живешь; еще несколько – на Стратегии⁵²; одна – справа от храма свв. Апостолов⁵³, и много других, цоколи которых были украшены скульптурами не хуже этих. А ведь что я, пожалуй, смогу сказать о порфировой колонне, что к востоку, на той же площади, поднимает ввысь величайший крест и что воздвигнута и установлена во дворе дворца Константина Великого, побеждая [своим величием] все статуи и все колонны?

49. У нас ведь [в Константинополе] есть множество такого рода изваянных произведений, исполненных, например, на тех украшенных резьбой колоннах именно в подражание здешних [т.е. римских]. Однако, среди них преобладают те скульптуры, которые исполнены в камне-порфире и которые на тризне изображают сидящих на креслах, имя которым определяется в соответствии с их должностью смотрителей рынков [агораномов]. И еще одна [статуя] из белого камня или мрамора установлена на той же самой улице, над устьем протекающего через город ручья, если не ошибаюсь, у излучины. Да есть немало и других подобного же рода [памятников], которые мне не пришлось лично видеть, но о которых я слышал, что они находятся в укромных местах. Я ведь опускаю те, что находятся перед Златыми Вратами, ибо кто, пожалуй, сможет достойным образом выразить восхищение и от них самих, и от встроенных в них мраморных башен с изображениями подвигов Геракла и мучений Прометея – произведений высочайшего и поразительнейшего искусства, а также от других такого же рода творений из мрамора?⁵⁴

50. Причиной того, что их [в Константинополе] не больше [чем в Риме], является тот факт, что тот город [т.е. Константинополь] был основан тогда, когда даже здесь [т.е. в Риме] подобного рода памятники уже находились в небрежении, так как люди, я думаю, избегали из-за религии подобия с изваяниями идолов. Как, стало быть, те [т.е. жители Констан-

⁵¹ Имеются в виду статуя Феодосия I на пьедестале (на Fogum Taugi, воздвигнута в 394 г.) и, по-видимому, статуя Аркадия, а не Феодосия II (воздвигнута на Ксиролофосе в 402 г.).

⁵² В восточной части полуострова, в районе V. В античные времена здесь располагался театр для военных упражнений (отсюда и название). Здесь же находилась конная статуя Константина Великого, с крестом.

⁵³ Вероятно, речь идет о статуе св. Михаила, воздвигнутой Михаилом VIII Палеологом (1261–1282); у ног святого был изображен император, преподносящий ему город.

⁵⁴ Златые Врата – главные ворота Константинополя, через которые совершались триумфальные въезды императоров после их возвращения из военных экспедиций.

тинополя] могли создавать то, что здесь [т.е. в Риме] уже было в прошлом и разрушалось?

51. Так что они [жители Константинополя] стали создавать и изобретать нечто иное, а именно: картины, иконы, рисунки, мозаики – произведения в высшей степени блестящего и надежного искусства, каковые (и особенно мозаики) здесь [в Риме] как будто редки, являясь действительно особенностью одной только Эллады или того города [т.е. Константинополя]. Ведь если какое-то произведение такого рода [т.е. мозаичное] и обнаруживается здесь [т.е. в Риме] или в другом месте, то ясно, что материал и мастерство – оттуда. То же самое, как я полагаю, относится и к скульптуре: там ее начало и оттуда она стала распространяться, чтобы чудесным образом сделать успехи и здесь [т.е. в Риме]. Кто-нибудь, пожалуй, то же самое скажет и в отношении многого другого. Но, как я уже сказал, я оставляю это без внимания. Я оставляю без внимания и прочее из того, что о том городе [т.е. Константинополе] смог бы, пожалуй, сказать кто-нибудь, не прибегая к вымыслам и преувеличениям.

52. Но тот храм, которому его создатель столь удачно дал имя Премудрости Божией⁵⁵ (ибо он и в самом деле не есть дело человеческой мудрости), неужели он позволит, чтобы видевший его стал впредь говорить о чем-то другом, восхищаться этим или обременять себя впредь воспоминаниями об этом другом? Ведь, как я полагаю, ничего подобного у людей ни раньше не существовало, ни когда-либо в будущем не будет существовать, по каковой причине и я, вспомнив о нем, воздержусь, стало быть, от всяких рассуждений по их поводу. Ибо невозможно сказать что-либо эквивалентное достоинству этого строения, а вспомнившему о нем и вообще ни о чем другом невозможно говорить что бы то ни было: ведь тот, у кого ум занят им, уже не может думать ни о чем другом. О чем, как я уже говорил, совершенно невозможно сказать что-либо сообразного с его достоинством, и начавшему высказываться потребуется потратить на него больше времени, чем на все прочие памятники вместе взятые, хотя результат будет тот же: не удастся сказать ничего, его достойного.

53. Поэтому я и спешу, как я уже сказал, отправить сие. Следовательно, нужно было [говорить об этом храме] не в конце речи, как о чем-то второстепенном, без обдумывания (как в тех случаях, о которых я уже упоминал). Но если бы мы смогли с самого начала, после тщательного обдумывания, не заслоня ничем другим, показать хотя бы какую-то из достопримечательностей в том храме, мы бы остались очень довольны.

54. Ибо возвышенность и величие какой речи сравнится с возвышенностью и величием того храма? Какая красивость речи – с его красотой и какое достоинство – с его достоинством? Какая простота, так сказать, – с его простотой? Какое словесное мастерство и разнообразие сравнится с его разнообразием? Какая точность смысла слов – с основательностью и превосходными свойствами во всех его материалах? Какая структура речи – с гармоничностью его структуры? Ведь даже взяв какую-то одну его деталь или

⁵⁵ Храм Святой Софии, торжественно освящен 15 февраля 360 г., разрушен пожаром во время восстания Ника 15 января 532 г., восстановлен Юстинианом по новому архитектурному проекту, включая расширение территории за счет участков соседних домов, и вновь освящен 27 декабря 537 г.

частицу (пусть самую малую), мы, пожалуй, не сможем достойно описать ее. Ибо мы не в состоянии точно описать не только врата и подъезды, но и пол, крыльцо, украшения на вратах, колонны, мозаики, мраморную облицовку стен, витражи, использованные в них изделия из меди, серебра, сапфира, золота, а также стекло в мозаичных композициях, какую-то другую деталь.

55. А что сказать о камнях, о плане здания в целом, о здании, как таковом, его ширине, высоте, крыше? То, что у него есть, мы не только не в состоянии описать на словах, но и обозреть глазами, а увидев, не можем поверить, как оно могло выстоять. Ибо точно также, как мы изумляемся тому, что небесная сфера вращается сама по себе, мы с трудом представляем, как этот неподражаемый небесный купол и это перекрытие возникли и до сих пор держатся. И хотя высота по необходимости скрывает от смотрящего человека большую часть размеров здания (а скорее даже и саму эту высоту), кажется все же невозможным преувеличить ее. Так что приходится восхищаться не только столь необъятными размерами здания и такого качества конструкцией его, но и теми людьми, которые без всякого аналогичного образца задумали и спроектировали столь грандиозное творение, сочтя вполне возможным довести его до реализации, и осуществили это⁵⁶.

56. То, что я говорю об этом творении в целом, прежде всего относится к его куполу, каковой тот архитектор, должно быть, замыслил в его нынешнем виде, начиная прямо с фундамента, да скорее даже еще и до закладки самого фундамента, [а замыслив], был твердо уверен, что сможет возвести его. То, что мы сегодня видим, кажется невероятным. Видимо, этот архитектор очень верил в свое мастерство и в те пропорции, которые оно подсказывало ему, выдающемуся технологю и инженеру. Да что там говорить? Взирая на это творение, люди просто не могут не восторгаться изобретательностью и высоким искусством, причем, не только самого архитектора и других строителей, но и всего рода человеческого, да и просто этого живого существа [т.е. человека], и это от того, что у него [у человека?] от природы оказывается столько выдумки, высокого ума, достоинства и силы, сколько никто, пожалуй, раньше не предполагал.

57. Думаю, что у людей с их рукотворными произведениями и близко еще ничего подобного не появлялось. Немало в нем [в храме Св. Софии] обнаруживается чудес, идущих как от природы, так и от мыслительной мудрости [людской], а потому лучше молча восхищаться этим столь величественным и таким замечательным творением. Ведь его созерцание (да даже одно воспоминание о нем) может лишить рассудка и сделать немymi тех, кто на него смотрит и о нем думает, как, случается, слепнут те, кто смотрит на солнце или на что-либо сияющее.

⁵⁶ Архитекторами храма Св. Софии, этого величайшего достижения византийской архитектуры VI в., были Анфимий из Трал и Исидор из Милета. По их замыслу, "все великолепие церкви было сосредоточено внутри нее. Даже в те времена, когда здание не было искажено перестройками и загромождено пристроенными снаружи контрфорсами, его скромные кирпичные стены мало чем могли поразить воображение. Тем более удивляло оно зрителей, вступавших под своды, необыкновенной – при грандиозных размерах – легкостью конструкции. То, что купол здания словно парил над центральной его частью, современники были даже склонны приписывать сверхъестественным силам. Опоры казались невидимыми" (Банк А.В., Липшиц Е.Э. Византийское искусство IV–VII вв. // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 448).

58. Думаю, что нет никого, кто бы вовсе не знал об останках святых и священных предметах в том городе [т.е. в Константинополе], множество которых возникло там с самого начала, некоторые в разные времена были собраны отовсюду рвением приснопамятных императоров; но множество, в свою очередь, оттуда [т.е. из Константинополя], как из какого-то общего источника, распространилось повсюду. Впрочем, немало еще и сейчас сохранилось.

59. Есть, однако, нечто, о чем я хотел бы сказать, говоря об обоих городах, а именно: рассматривая творения древних как в этом городе [т.е. в Риме], так и в нашем [т.е. Константинополе], можно получить не только наслаждение, но и пользу. Можно ведь восхищаться творениями рук человеческих, а можно и презирать их, не придавая им никакого значения. Ибо если кто-то, созерцая их, размышляет о господстве и мощи Рима, о достоинстве тех мужей, об их деяниях и заботах, и тут же видит, чем все это кончилось, когда не только они, но и все их могущество и господство, да и сами города практически умерли (а ведь, по словам одного автора, и города умирают)⁵⁷, то что он должен думать о людских делах? Как он сможет кичиться, преуспевая, и самоунижаться, испытывая беды? Чем так уж сможет возгордиться? Короче, чему из дел людских вообще может придаваться важное значение?

60. Я часто, проходя по этим триумфальным улицам, думаю о том, как по ним вели правителей, властителей, других пленников, часто из армян, персов или каких-то других [иностранцев], склонившихся к отпадению [от Рима]. Думаю о полководцах, совершавших триумфальный въезд по ним, и о том, какое ликование было у этих на сердце, а что на душе у тех. Размышляю о толпе горожан, вылившихся на улицы и обступивших их или же смотрящих на все это сверху, из своих жилищ; о звучании музыкальных инструментов; о возгласах, восхвалениях и рукоплесканиях; о чувстве удовлетворения у одних в результате победы над неприятелем где-то в дальнем зарубежье и о скорби других (и их родных у себя дома) из-за понесенного поражения и подобной помпы; о имевшей тогда место разнице в их судьбах, когда одни из них и себе, и другим казались ужасно несчастными и жалкими, другие же – счастливыми и благодными.

61. Зато теперь все они равны, все – прах, и, пожалуй, уже не распознать судьбы Помпея, Лукулла, Митридата или Тиграна. Да и сами дома, стелы и постройки превратились в песок, сохранившись лишь в тех случаях, когда принявшая их под себя насыпь находится не вровень с остальной землей, а образует холм. Можно видеть немало статуй тех счастливых и блаженных победителей, брошенных и валяющихся в грязи и глине, вместе с их трофеями и венками. Одни из них обезображены и разбиты на куски, немало других превратилось в известь, песок, в строительный камень. А сколь многочисленны те, что удостоились лучшей доли, лишившись, согласно Аристотелю, присущего камням первоначального счастья⁵⁸ и исполняя роль ступеньки для посадки на коня, фундамента стены, яслей для осла или вола, будучи

⁵⁷ Ср.: *Лукиан*. Харонт 26.23 (II. P. 22.5 Macleod.).

⁵⁸ Ср.: *Аристотель*. Физика. Гл. 6 (197 в): Как, например, сказал Протарх: “Счастливы камни, из которых сложены жертвенники, потому что их чтят, а сотоварищи их попираются ногами”.

по большей части, как я уже сказал, разбитыми и разломанными. В других случаях терновые кусты с шипами, которыми они заросли, цепляясь, не позволяют им быть видимыми.

62. Бесчисленны те, что под землей и что раньше стояли на возвышенных и освещенных местах (на Капитолии, на Акрополе, на Форуме), с тем, чтобы их видели многие. И те, которые сподобились этого (имею в виду владения или самим предметом или крупной привилегией на него), полагали, что им очень повезло в жизни. Мы знаем, что говорит Пиндар в своих одах о победителях на Истме, в Немее или в Олимпии, уподобляя их богам и прославляя как заслуживающих быть увенчанными после стольких трудов венком из сельдерея, листьями дуба или дикой маслиной. Но подвиги тех, что на стелах, не того свойства [что подвиги апостолов?], а потому будь то в городах или у отдельных граждан (официальных лиц, частных людей или самих царствующих особ), людские дела поистине тщетны, поскольку они не сопряжены с той истинной и божественной добродетелью. Одни из них ищут улад, другие – утешений, но немало и тех, что причиняют боль.

63. Порою мне кажется, что я нахожусь на родине и чтобы это впечатление стало еще осязательнее, я, насколько это возможно, пытаюсь восстановить в памяти то, что в ней для меня есть самого великого и приятного, а именно: смотреть на тебя и беседовать с тобой, и добиваюсь этого с помощью воспоминаний о тебе, писем к тебе и разговоров о тебе с другими людьми. Именно по этой причине я часто и по многу разглагольствовал в письмах к другим лицам, а в этом, как ты сам видишь, я столь долго беседую с Твоим Высочеством.

64. Я всегда полагал, что те граждане, которые хорошо потрудились на благо родины, причем не только добившись конкретных результатов, но и просто пострадав за что-то, должны иметь вечное воздаяние. Помни о таком воздаянии, о василевс! И ты сам, и твои близкие, спасая город, некогда бывший лучшим под солнцем, и снова ведя его к процветанию. Да будем и мы содействовать вам в делах и трудах на благо его, разумеется, насколько это возможно для нас, верных подданных по отношению к вам, человеческим и добрым нашим господам. Ибо для меня это – огромная радость, причем вне зависимости от того, присутствую я или отсутствую, вижу я [тебя] или слушаю, жив я или уже мертв. А пока что прости мне мою говорливость, о василевс. Будь здоров.